

### Движение колливадов

С утверждением турецкого господства на большей части территории Византии, духовная и культурная жизнь ромеев пришла в упадок. Византийское монашество, давшее жизнь стольким шедеврам богословской мысли и церковного искусства, постепенно отходило от идеалов исихазма. Угасание традиции исихазма привело к угасанию церковного искусства. Происходит искажение религиозного сознания у простого народа. К середине XVIII столетия, как реакция на сложившуюся ситуацию, на Афоне возникает движение по обновлению церковной жизни. Это движение было чрезвычайно разнообразным и многогранным, однако главной его целью было возвращение к святоотеческой традиции, а главным источником - традиция умного делания. Оно известно как «движение колливадов»...

I

### Предпосылки возникновения движения

С переходом в четырнадцатом веке большей части Византийского государства под турецкое господство значительно ускорилось развитие кризисных явлений во многих областях духовной и культурной жизни ромеев. Византийское монашество, давшее жизнь стольким шедеврам богословской мысли и церковного искусства, постепенно отходило от идеалов исихазма. С середины XV века в Византии трудно найти богослова, уровень которого был бы сопоставим с уровнем Св. Григория Паламы (1296-1359) или Св. Николая Кавасилы (прибл. 1320-прибл. 1390). Можно назвать лишь Св. Максима Грека (1480-1556), но и тот занимался больше приложением богословия к жизни (споры между «стяжателями» и «нестяжателями»), чем чистым богословским творчеством.

Угасание традиции исихазма имело естественным последствием упадок церковного искусства. В XV-XVI веках еще создают свои шедевры иконописцы критской школы, на развитие которой, кстати говоря, турецкое господство не оказало существенного влияния, поскольку Крит только в 1669 году был захвачен турками, но затем - к концу XVI века - вырождается и ее традиция. Уже в работах самого выдающегося ее представителя - Феофана Критского (XVI в.) - можно наблюдать западные влияния.

Более отчетливо они выражены у современного Феофану Франко Кастелано. И, наконец, отдельные влияния переходят в прямое отречение от своей духовной традиции в произведениях критского же художника Доминика Феотокопулоса (1541-1614), известного как Эль Греко.

Происходит искажение религиозного сознания у простого народа. Грекам приходится защищать свою религиозную и национальную самобытность перед угрозой омусульманивания и ассимиляции среди турок. Основным признаком национальной аутентичности становится православное вероисповедание. Вера оказывается национальным фактором и утрачивает в сознании греков свой вселенский характер. Как пишет о. Георгий Металлинос, «с XVII века усиленно распространяется «озападничество» греческого богословия, которое выражается в виде утраты сознания вселенскости Православия и постепенного преобладания конфессионального менталитета». К этому добавляется также почти поголовная безграмотность и религиозная необразованность народа, которые стали следствием того, что система образования Византии с падением империи тоже была практически полностью разрушена. Также формы церковной жизни костенеют, приобретая самодостаточность и самоценность.

Между тем, несмотря на относительную изолированность греческих общин в условиях Османской империи, все большее влияние на их жизнь приобретает Запад. Греческая аристократия посылает своих детей за образованием в Италию. Благодаря этому высшие слои греческого общества постепенно отчуждаются от своей духовной традиции. Под значительное влияние Запада попадает и церковная жизнь. Богословие схоластизируется и во многом отходит от святоотеческих принципов. По замечанию о. Георгия Флоровского, последним догматическим произведением Восточной Церкви, более или менее лишенным влияния схоластики, было неофициальное письмо Константинопольского патриарха Иеремии II (1572-1579, 1580-1584, 1586-1595), написанное тюрингским протестантским богословом в 1576 году в ответ на Аугсбургское Исповедание. Однако и здесь прослеживаются некоторые следы западного богословия. Так, например, указывается, что Православная Церковь содержит семь Таинств.

Засилье схоластики привело также к почти полному забвению богословского наследия, которое оставила паламитская эпоха. В этом смысле характерен пример догматических споров, возникших в период 1696-1699 годов в Яннине. Яннина в то время являлась фактической столицей Греции, ее духовным и культурным центром. Главными представителями спорящих сторон были преподаватели Яннинской греческой школы ученый иеромонах Виссарион Макрис, учившийся до этого в Яннине и Константинополе, и священник Георгий Сугдурис, прошедший обучение в Яннине, Венеции и Падуе.

Первый имел также поддержку правящего Яннинского архиеерея Климента Хиосского. Итак, первая сторона учила, что Божественная Сущность реально отличается от Божественной Энергии, как хлеб от камня. Другая же сторона настаивала, что это отличие не реальное, но мысленное: "to logo to oristko". Как можно заключить из всех документов, сопровождавших этот спор, обе стороны даже не подозревали, что подобные вопросы уже были подняты и решены в XIV веке Св. Григорием Паламой и его последователями. Партия Сугдуриса разделяла взгляды Варлаама и Акиндина, а партия Макриса стояла ближе к учению исихастов XIV века. Однако ее позиция тоже не совпадала полностью с паламизмом, если судить по тому, как ее сторонники различали Божественную Сущность и Энергию: подобно тому как различаются хлеб и камень. В таком случае можно подумать, что Божественная Энергия имеет независимое от Сущности бытие и может существовать отдельно от нее, что противоречит соответствующему православному учению. Примечательно, что когда вспыхнул спор, Макрис обратился за разрешением вопроса в Константинополь. Сугдурис, узнав об этом, тоже тут же отправил патриарху письмо со своим исповеданием веры. В результате он не только не был осужден, но, наоборот, получил благосклонный ответ. Когда в 1699 году Сугдурис повторно отослал в патриархию свою апологию, где он, хотя и говорил о различии Божественной Сущности и Энергии, но опять не в духе православного учения, ему вновь ответили почтением, признав правильность его учения.

В упадке находилось не только, так сказать, высокое богословие, но и образование народа вообще и клириков в частности. Вот что писали о Греции того времени западные путешественники: "Большинство наших механиков (Mechanics) более обучены и сведущи, чем греческие учителя и клирики". Также М. Pitton de Tournefort сообщает, что "греческие клирики были едва способны читать богослужебные книги. Что же касается понимания читаемого - оно было совершенно вне их".

Кризис поражает также монашескую жизнь. Свертывается общежительное монашество и вместо него практически повсеместно вводится особножительный устав.

Таким образом, к XVIII веку сложилась такая ситуация, что исследователи определяют это время как эпоху "рабства и духовного маразма".

Именно тогда - в середине XVIII столетия, - как реакция на сложившуюся ситуацию, на Афоне возникает движение по обновлению церковной жизни. Это движение было чрезвычайно разнообразным и многогранным, однако главной его целью было возвращение к святоотеческой традиции, а главным источником - традиция умного делания. Оно известно как "движение колливадов" (kinema ton kollybadon).

Название «колливады», «колливисты» (kollybades, kollybistai) происходит от «колива» (ta kollyba), которое благословлялось во время поминовения усопших. Поскольку колливады отказывались совершать или участвовать в поминовении усопших по воскресным дням, но настаивали на том, что это следует делать только по субботам, им было дано это ироническое прозвище, которое, однако, вскоре стало почетным. Тогда же оно было для них причиной гонений и оскорблений. Также колливадов по понятной уже причине иногда называли «субботниками» (sabbatianoι).

Отношение к движению колливадов среди различных - главным образом греческих, больше всех уделивших внимание данному вопросу, - исследователей неоднозначно. Есть такие, которые считают его негативным явлением в развитии греческого общества в период перед освободительной революцией 1821 г.

Колливады для них представляются консерваторами, мракобесами, противниками всего прогрессивного, туркофилами и т.п. Такая точка зрения преобладала главным образом в прошлом среди исследователей, которым близки идеи Просвещения и западноевропейского гуманизма. Однако в последнее время, особенно в богословских кругах, отношение к движению колливадов изменилось. Его внутренние мотивы стали лучше видны, когда современная греческая богословская мысль открыла для себя богословие XIV века и традицию исихазма. Многие исследователи заметили прямую связь между исихастами четырнадцатого столетия и колливадами восемнадцатого. Таким образом, в данное время большинство исследователей сходятся на том, что движение сыграло важную положительную роль в духовной жизни как Греции, так и Православия вообще, и могут согласиться с мыслью епископа Амфилохия (Радовича), который говорит: «Филокалистическое движение, известное как «движение колливадов», является одним из наиболее выдающихся духовных явлений и одним из наиболее плодотворных движений в Православии времен Турецкого господства».

Теперь обратимся к истории возникновения этого движения и рассмотрим прецедент, благодаря которому оно началось.

## II

### История зарождения движения

### 1. Первая фаза колливадских споров: Вопрос о поминовении усопших

#### 1.1. Прецедент

Согласно источникам, прецедент возник в 1754 году, когда в ските Св. Анны было начато строительство нового центрального храма (Kiriakon). Расходы строительства покрывались главным образом за счет пожертвований «на поминовение», которые резко возросли, так что, по сведениям К. Влахоса, количество поминаемых имен достигло в тот период двенадцати тысяч. Поминовение усопших в ските, как и везде на Святой Горе, совершалось исключительно в субботние дни. Однако по субботам в Кариях - административном центре Афона - проводилась торговля в том числе и материалами, необходимыми для строительства. Таким образом, Святоаннинские монахи каждую субботу рано утром должны были покидать свой скит, чтобы успеть добраться до Карий, находившихся на достаточно большом расстоянии. Однако они не могли совершать положенных заупокойных служб, в связи с чем было принято решение перенести совершение поминовения усопших на воскресные дни.

Это нововведение вызвало недовольство и осуждение как со стороны монахов других монастырей и скитов, так самой Святой Анны. Св. Афанасий Париос (прибл. 1721-1813) рассказывает, что смущенные монахи решили обратиться за советом к духовнику скита Филофею Пелопоннесскому. Тот им ответил, что теперь нет возможности поступать иначе, но когда строительство закончится, поминание будет совершаться опять только по субботам. Тем не менее, он разрешил смущавшимся выходить из церкви, если поминовение совершали в воскресный или праздничный день. Когда же некоторые монахи, по его совету, начали во время пения панихиды выходить из храма, остававшиеся там стали негодовать на них за то, что они будто считают их еретиками и не хотят вместе с ними молиться.

#### 1.2. Начало гонений

В это время в ските Святой Анны жил бывший Константинопольский патриарх Кирилл V (1748-1751, 1752-1757). Как известно, турецкая Порта очень часто - раз в два или три года меняла патриархов. Зачастую низложенные патриархи, равно как и другие епископы, поселялись в монастырях Святой Горы. Одним из них и был Кирилл. Это был выдающийся иерарх, который, находясь на кафедре, сделал очень многое оздоровления ситуации в Церкви, а также для противостояния латинской экспансии на Восток. Он

также известен благодаря изданному им в 1755 году знаменитому Томосу о необходимости приема в Церковь латинян только через Крещение. Тем не менее, в истории колливадов он сыграл отрицательную роль.

Как пишет Св. Афанасий, патриарх Кирилл, узнав о раздоре, выразил возмущение: «Что это они болтают (tsampronikson) и выходят из храма? Я, когда был на престоле, постоянно давал разрешение и сам совершал поминовение усопших в воскресение»; На что несогласные с нововведением отвечали: «Мы не хотим знать, что делают в Константинополе, потому что там все делают по-другому, чему нам, живущим в пустыне, следовать не обязательно, тем более если это нарушает церковные правила».

Скит Святой Анны подчинялся монастырю Великая Лавра. Руководство монастыря, по внушению экс-патриарха Кирилла, издало письмо, которое предписывало не допускать непокорных монахов ни в церковь, ни в келлии, ни даже на мельницу. Св. Афанасий передает сказанные по этому поводу слова одного из монахов, попавших под осуждение: «Кир Кирилл, не имея подходящих слов, чтобы защитить свое нововведение, воспользовался крыльями мельницы, надеясь с помощью голодной смерти подчинить тех, кто не подчинялся другим путем».

Св. Афанасий основную вину за гонения на монахов, отказывавшихся участвовать в поминовении усопших по воскресным дням, возлагает на экс-патриарха Кирилла, сравнивая его в его действиях даже с папой Римским. Вообще основные обвинения Св. Афанасия за все дальнейшие гонения на колливадов падают на патриархов, тогда как, например, Св. Никодим Святгорец не обвиняет ни одного из них, но лишь простых монахов. Более того, он пытается представить деятельность патриархов в положительном ключе. Так, например, отношение Св. Никодима к вопросу о дне поминовения усопших намного мягче, чем у Св. Афанасия. Он допускает поминовение как в субботу, так и в воскресение, говоря: «В Святой Христовой Церкви существует два вида управления: первый вид называется акривия, а второй - икономия и снисхождение»; И далее пишет, что патриарх Софроний, чтобы прекратить возникшие на Афоне распри, применял второй вид, позволив совершать поминовение как в субботу, так и в воскресение.

Тем временем события развивались следующим образом. Осуждение колливадов (так теперь стали называть не согласившихся с нововведением монахов) было для них, как пишет Св. Афанасий, не злом, но благом, потому что теперь они могли спокойно уйти в любое другое место Святой Горы, сохранив при этом свою совесть спокойной. Монахи уходили кто куда мог. Первым ушел Иаков Пелопоннесский, который, как уже было

сказано, и рассказал Св. Афанасию историю споров, как они возникли с самого начала.

Однако колливадов не оставили в покое. Вслед за ними в различные скиты и монастыри Св. Горы были посланы письма с уведомлением о том, что они осуждены Великой Лаврой. Св. Афанасий, в частности, приводит фрагмент из письма дикее Святой Анны дикее Нового Скита, находящегося по соседству со Святой Анной: «Примите к своему сведению, что наш монастырь (Великая Лавра - С.Г.) издал запрещение против такого-то, такого-то и многих других, как творящих возмущения и явивших себя неправомыслящими и проповедующими против веры. Настоящим уведомляем вас, чтобы вы не принимали их и изгоняли из своего скита. Также доносим до вашего сведения, что некоторые из таковых, которых следует изгнать, есть и у вас. И первый из них - это Христофор, монах старца Ефрема. Позаботьтесь также о том, чтобы проверить и выявить остальных. Если же вы не поступите так, как мы вам пишем, знайте, что впредь мы не будем вас принимать ни в нашем скиту, ни в наших каливах, ни на мельнице».

В Новом Ските все требования Святоаннинского дикее были выполнены: перебежчики были изгнаны, а вместе с ними некоторые из своих, как, например, иеромонах Христофор (1730 - нач. XIX в.) вместе со своим Старцем и прочими членами монашеской общины. Изгнанники поселились в Предтеченском ските Иверского монастыря. Некоторые также устроились в ските монастыря Ксенофонт. Однако живший там бывший Алеппский митрополит Геннадий, чтобы угодить патриарху Кириллу и, как пишет Святой Афанасий, «участвовать в его изысканных трапезах», воздвиг гонения против колливадов и там.

Вскоре по всей Святой Горе о колливадах разошлась такая слава, что, по замечанию Св. Афанасия, даже паромщик отказывался переправлять их на своем пароме. Колливадов, например, обвинили в том, что они «франкмасоны». Костас Сарделис сообщает, что был даже случай убийства кого-то из колливадов. При этом он, правда, не ссылается на источники. В исследованных нами документах ни о чем подобном не говорится, поэтому это сообщение, очевидно, является преувеличением, поскольку иначе убийство имело бы большой резонанс. Как замечает в своем Исповедании веры Св. Никодим Святогорец, «есть некоторые, которые, не зная, что означает слово «колливад», а также не понимая причин, по которым мы обвиняемся и бесчестимся, но только потому, что слышат, как другие называют нас колливадами, еретиками, злочестивыми и тому подобно, сразу же и сами начинают повторять эти оскорбления».

Тем не менее, на Святой Горе нашлось много и таких монахов, которые поддерживали

изгнанных из Святой Анны и сами становились колливадами. Среди них можно назвать монашескую общину Скуртеев, с которой впоследствии будет иметь тесную духовную связь преподобный Никодим Святогорец (1749-1809). Главой общины был о. Парфений.

### 1.3. Действия колливадов по отмене нововведения

Тем временем изгнанные колливады решили собраться вместе, чтобы сообща принять план действия. Их собрание произошло в келлии о. Парфения Скуртея. Было решено написать исповедание веры, в котором изложить свое мнение по вопросам веры и литургической практики. Это исповедание было написано и подписано всеми присутствовавшими, а позже и теми, кто в тот момент отсутствовал. Оно было отослано в Константинополь вместе с Нифоном Хиосским (1736-1809). В это время в патриархии по своим делам находился некий Иоаким Григориат, имевший в патриарших кругах определенное влияние. Он несколько лет прожил в ските Святой Анны и был в курсе всех последних событий. Все действия агиоаннитов были представлены им в выгодном для последних свете, а потому и письмо колливадов не имело того действия, которое от него ожидали.

Кроме того, занимавший тогда патриаршую кафедру Феодосий II (1769-1773) был по своей натуре конформистом и опасался любого противостояния в церковной среде. Им было издано синодальное письмо, подписанное также Иерусалимским патриархом Софронием (позже Константинопольским патриархом (1774-1780)), где говорилось, что «совершающие поминовение усопших в субботу хорошо творят, как хранящие древнюю традицию Церкви; те же, которые <делают это> в воскресенье - не подлежат осуждению». Письмо также снимало запрещение, наложенное на колливадов Великой Лаврой. Это было примирительное послание, однако своей цели - примирения - оно не достигло. Св. Афанасий пишет, что когда Нифон взял это письмо и прочитал, тут же вернул его назад и сказал, что не этого ожидали его собратья монахи. Потом ему, конечно, пришлось взять его.

После издания письма противники колливадов не изменили своего отношения к ним. Также сами колливады не соглашались с тем, что «совершающие поминовение в воскресенье не подлежат осуждению». Видя безрезультатность своего письма, патриарх 10 июня следующего - 1773 - года издал новое письмо, в котором спорящие стороны призывались к миру, к тому, чтобы оставить взаимные обвинения и дать покой остальным монахам. Здесь, как и в предыдущем письме, совершение поминовения по субботам не осуждалось. Со своей стороны колливады, видя нерешительность Феодосия, составили еще одно письмо патриарху, которое вскорости было отослано с

Иаковом Пелопоннесским. Здесь была выражена настойчивая просьба запретить монахам скита Святой Анны совершать поминовение усопших по воскресениям.

Тем временем на патриарший престол во второй раз взошел Самуил Хандзерис (1773-1774), которого Св. Афанасий характеризует как «мужа мудрейшего», что для Св. Афанасия весьма необычно. В 1773 году новый патриарх издал синодальное письмо, в котором было определено, чтобы «подвизающиеся в келлиях и скитах неукоснительно соблюдали чин и обычай поминовения того монастыря, куда они ходят для участия в Литургии и которому подчиняются». Это был очень удачный способ поддержать колливадов: не напрямую, но косвенно, - чтобы особенно не раздражать их противников. Этим письмом косвенным образом предписывалось совершать поминовение усопших только по субботам, потому что во всех монастырях Св. Горы, в том числе и в Великой Лавре, которой подчинялся скит Св. Анны, действовал именно такой устав.

Колливады приняли это решение с воодушевлением. Однако их гонители из скита Св. Анны не согласились подчиниться патриарху. Как пишет Св. Афанасий, они обвинили патриарха в том, что он безбожник, а потому как можно подчиниться такому патриарху? Подобные обвинения выдвигали бывший Алеппский митрополит Геннадий, которого Св. Афанасий называет «поварешкой» (huliyara), и Виссарион из Рапсаны (ум. 1823 г.), которого тот же Св. Афанасий называет «помешанным» (manicos). Агиоанниты дважды ездили в Константинополь с ходатайством о том, чтобы это решение было отменено.

### 1.4. Кутлумусийский собор и осуждение колливадов

В 1774 году антиколливадами в монастыре Кутлумусиу был созван собор, на котором председательствовал бывший патриарх Константинопольский Кирилл V и бывший патриарх Александрийский Матфей (1746-1766). Присутствовало также около десяти митрополитов, покинувших свои кафедры и теперь живших на Святой Горе, и свыше двухсот монахов. На собор были приглашены и колливады, «чтобы был испытан выбор обеих сторон». Однако для колливадов было очевидно, что собор не имел целью обсуждение проблемы, но их собственное осуждение; они видели себя уже заранее приговоренными и поэтому отказались явиться.

Собор решил обратиться к патриарху в Константинополь, куда был послан монах

Виссарион. Результатом поездки стало осуждение колливадов Синодом Вселенской Патриархии, на котором председательствовал новоизбранный патриарх Софроний II (1774-1780). Под синодальным решением подписался также патриарх Иерусалимский Авраамий (1775-1787). Решение (Thespisma) датировано 9 июня 1776 г. В нем, в частности, говорится: «...несколько лет назад смущение и замешательство охватили Церковь и Христоименитый ... народ Божий и смутили всякий чин священнослужителей, монахов и мирян через некоторых самонадеянных..., чьи предводители и такового нововведения первозачинатели и творцы суть Злоафанасий (Какоathanasios) Париос, Злоиаков (Какоiakobos) Пелопонесский, Агапий Кипрский и Христофор...» Далее говорится, что все обязываются совершать поминовение как в субботу, так и в воскресенье и другие дни недели. Затем следует: «Те, кто, согласно с Церковью и настоящим синодальным постановлением, и мыслят и действуют, беспрекословно совершая поминовение православных и в субботу, и в воскресенье, и в другие дни недели, таковые да будут прощены от Бога и Господа Вседержителя... Первозачинатели же, предводители и создатели такового злочестия: Злоафанасий Париос, Злоиаков Пелопонесский, Злоагапий Кипрский... - извергаются Богом и Господом Вседержителем и обнажаются всякой Божественной благодати и священнодействия...»

Примечательно, что еще за два года до этого - в 1774 году - патриарх Софроний, будучи тогда на Иерусалимской кафедре, занимал другую позицию, которую Св. Никодим в своем Исповедании приводит даже как доказательство правоты колливадов. Он пишет, что правоту колливадов «удостоверяет также Церковь Иерусалима, потому что она, в патриаршество покойного Софрония, согласилась с вышеупомянутыми патриархами и синодальными письмами Великой Церкви Константинополя, изданными в патриаршество Феодосия и Самуила. Оба эти письма подписал также кир Софроний, будучи тогда патриархом Иерусалимским. И не только подписал, но и написал особое письмо, в котором подтвердил указанное письмо кир Самуила: будучи спрошенным от бывшего митрополита Лакедемонии кир Феофана, подвизавшегося в Новом Ските, когда должно быть совершено поминовение усопшего старца Хаджи-Мелетия, в субботу или в воскресенье, он ответил ему письмом, что на этот счет Церковь определила скитам и келлиям следовать порядку монастырей».

Св. Афанасий считал синодальное решение 1776 года незаконным, потому что перед его изданием в Константинополь не были приглашены сами обвиняемые. Он сообщает, что, как слышал, на соборе нашелся лишь один мирянин по фамилии Хадзисланис - зять одного из присутствовавших архиереев, - который предложил услышать сторону обвиняемых, однако его никто не послушался. Далее Св. Афанасий говорит, что собор обвинил колливадов в том, в чем они не были виноваты. А именно, будто они учили, что не следует творить поминовение усопших в воскресенье и что творящие такое поминовение находятся под анафемой. Св. Афанасий говорит, что первое обвинение справедливо, но второе является чистой клеветой.

### 1.5. Колливады оставляют Афон

Колливады между тем не подчинились ни синодальному решению 1776 года, ни тем более Кутлумусийскому собору, и по-прежнему отказывались совершать поминовение по воскресеньям. Так, например, когда умер бывший патриарх Александрийский Матфей, Св. Макарий Нотарас (1731-1805) был приглашен в монастырь Кутлумусиу на поминовение, которое было назначено на воскресный день. Он отказался, ответив запиской: «Зачем вы предпочитаете совершение поминовения в воскресенье, опуская другие дни недели и нарушая определения и уставы Церкви, запрещающие это? Я никогда не совершал и не буду совершать поминовение усопших по воскресеньям.» Очевидно, что данное приглашение Св. Макарию носило провокационный характер. У кутлумусианитов не было нужды совершать поминовение в воскресенье - это было сделано намеренно. Также они знали о коллиладских настроениях Св. Макария. Последний принял вызов и ответил на него приведенной выше запиской. Он знал, что за этим последует, и поэтому, как сообщает Св. Афанасий Париос, «удалился на Хиос, боясь, чтобы и самому не испытать чего злого от клеветников. Там (на Хиосе - С.Г.) он получает от Святейшего (тогда патриарший трон занимал Прокопий (1785-1789) - С.Г.) письмо, полное негодования, гнева и угроз. Св. Макарий ответил, говоря: «Твои угрозы и устрашения не творят исправления дела, и я готов претерпеть все, что решит твое святейшество...»

Тем временем осужденный Св. Афанасий уехал со Святой Горы и остановился в Фессалониках, приняв должность ректора единственной в городе греческой школы «Эллиномусион». Он не прекращал поддерживать связи с коллиладами, оставшимися на Св. Горе, и особенно со Св. Никодимом Святогорцем. Он добивался, чтобы дело о коллиладах было пересмотрено. С этой целью он едет в Константинополь, где доказывает как свою собственную невиновность, так и безосновательность всех обвинений, возводимых против колливадов. Однако осуждение - и только с него, но не с прочих двоих (Иакова Пелопонесского и Агапия Кипрского) - было снято лишь в 1781 году, когда Константинопольскую кафедру занял Гавриил IV (1780-1785).

Вместе со Св. Афанасием Афон постепенно покинули и остальные колливады, чем была открыта новая страница в истории движения, когда идеям колливадов предстояло распространиться по всей Греции. На Афоне же тем временем антиколливады одержали победу, и волнения на некоторый период утихли.

### 2. Вторая фаза коллиладских споров: Вопрос о частом причащении

С новой силой, хотя и без прежней остроты, они вспыхнули в начале девятнадцатого века, и главной их причиной стал вопрос о частом причащении Таин Христовых. Наиболее значимым представителем колливадов на Святой Горе в это время был Св. Никодим Святогорец.

Повод к возникновению споров возник в 1804 году, когда было незаконно вскрыто и искажено письмо Св. Никодима к духовнику Святой Горы иеромонаху Иерофею, касавшееся вопроса о частом причащении. Это послужило поводом к новым возмущениям, направленным против колливадов и, главным образом, самого Св. Никодима, который, в отличие от первых колливадов, имел на Афоне уже и славу и авторитет. Чтобы прекратить волнения, в Кариях 19 мая 1807 года был созван собор из представителей всех двадцати монастырей Святой Горы, который благосклонно отнесся к колливадам и осудил их новых наветчиков. 13 июня 1807 г. Св. Никодим предложил на рассмотрение Св. Кинота Св. Горы свое Исповедание Веры, где по порядку опровергал все обвинения, выдвинутые против него.

Однако ситуация изменилась, когда в 1808 году на патриарший престол во второй раз взошел Калинник (1808-1809) - ревностный борец с колливадами. Он сразу же издал письмо, снимавшее с иеромонаха Иерофея обязанности духовника Святой Горы. Это письмо опубликовано И. И. Соколовым: «... так как один иеромонах из шайки (simmoreas) колливадов, который достиг и предшественником Его Святейшества (то есть Калинника - С.Г.) был определен духовником Кинота Св. Горы - его же имя Иерофей, - возрождает некогда возникшее коварномыслие и спор о коливе и Святом Причащении, осужденные Синодальным Томосом, и позволяет приходящим к нему ради исповеди часто причащаться Пречистых Таинств без удовлетворения (sic!) и исповеди, пусть <монахи Св. Горы> сбросят (arobalosi) с себя его духовное руководство и изберут другого испытанного, достойного и безукоризненного и представят его Церкви, чтобы его избрание было подтверждено церковно...» Св. Никодим, тем не менее, от смены церковной власти особо не пострадал.

Противостояние на Афоне ослабилось лишь в третье патриаршество Св. Григория V (1818-1821). Тогда, в августе 1818 г., было издано патриаршее письмо, поддержавшее колливадов и попытавшееся примирить враждующие стороны. Сходные патриаршие послания были изданы также патриархами Григорием VI (1835-1840) (в феврале 1836 года и в марте того же года) и Анфимом VI (1845-1848) (в ноябре 1846 г.).

Таким образом, противостояние колливадов и их противников на Святой Горе к концу первой четверти девятнадцатого столетия значительно ослабилось, а к середине века

практически полностью исчезло. Движение переметнулось на континентальную Грецию и главным образом острова Эгейского моря.

Такова была историческая канва зарождения и развития движения колливадов.

При оценке движения колливадов необходимо избегать по крайней мере трех ошибок. Во-первых, считать, что это движение ограничилось лишь спорами о дне совершения поминовения усопших или о том, насколько часто нужно причащаться. На самом деле оно переросло обе эти проблемы и превратилось во всеохватывающее движение за всеобщее обновление духовной жизни и возвращение к подлинно святоотеческим традициям. Спор о поминовении был лишь предлогом, отправной точкой к обновлению духовной жизни вообще, а также монашества, богословия и даже церковного пения. Так, например, недавно в библиотеке «колливадского» монастыря на острове Скиафос были обнаружены рукописи с записями «колливадской» богослужебной музыки.

Это движение было по своей природе не «протестантским», то есть таким, что только обличало пороки современности, но положительным, показавшим и достигшим вершин подлинной православной духовности. Вообще, полемический элемент был второстепенным в движении - главной его задачей было раскрыть и воплотить в жизнь сокровища святоотеческой духовности. Именно поэтому главной книгой, порожденной движением, стало не Исповедание веры или *Delosis tis en Agio Orei tarahon alefeias*, но Добротолюбие.

Как пишет епископ Амфилохий Радович: «Нет никакого сомнения, что Добротолюбие, как обожения орган, как справедливо назвал его преподобный Никодим Святогорец, является корнем и подлинным непосредственным или косвенным источником почти всех настоящих духовных всплесков и богословских течений в Православии с конца XVIII века до сего дня. Поэтому это духовное движение (колливадов) не может быть ограничено и отождествлено со спором «о поминовении» или «о коливе», как, к сожалению, очень часто происходит» и поэтому, кстати говоря, наиболее подходящим названием для нашего движения, по мнению того же автора, является «Филокалистическое возрождение» или «Филокалистическое движение».

Второй ошибкой было бы считать движение колливадов неким видом «секты»;

в Православии. На самом деле ему был чужд дух сектантства. Более того, одной из его целей было возвращение к подлинной вселенскости и кафоличности церковного сознания, выхода из замкнутости и самодостаточности, которыми жила в то время Греческая Церковь.

И, наконец, третьей ошибкой было бы видеть в движении только положительную сторону и не замечать его отрицательных сторон. Нельзя идеализировать всех колливадов, считать, что все они жили духом Добротолюбия. Среди них было достаточно людей случайных, а также фанатиков-нигилистов, для которых чуждой оставалась другая - не-полемиическая, филокалистическая сторона движения.

Движение было явлением живым, а потому разноплановым, не сводимым к какой-нибудь одной - положительной или отрицательной - категории, со множеством течений, порою направленных в противоположные стороны. Были в нем и темные стороны, был и фанатизм, но общий его вектор, вне всякого сомнения, оставался направленным в сторону глубокого и всестороннего оживления церковной жизни.

### Список литературы

1. Сергей Говорун, кандидат богословия. Движение колливадов
2. Соколов, И., Константинопольская Церковь в XIX веке, СПб., 1904.
3. Успенский, П., История Афона, ч. III, т. II, СПб., 1892.